

К 45-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН
И 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Б. Ф. ЛОМОВА

ДИСКУРС И ЕГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ:
ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ¹

© 2017 г. Т. А. Гребенщикова^{1*}, Н. Д. Павлова^{1**}

¹ ФГБУН Институт психологии РАН; 129366, г. Москва,
ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, комн. 435, Россия;

* Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник
Лаборатории психологии речи и психолингвистики.

E-mail: gretiya@mail.ru

** Доктор психологических наук, зав. Лаборатории психологии речи и психолингвистики.

E-mail: pavlova_natalya@mail.ru

Поступила 02.11.2016

Аннотация. Рассматриваются современные направления исследований дискурса, связанные с различными аспектами его организации и функционированием в социуме, анализируются тенденции в изучении дискурсивного воздействия, обсуждаются возможности и перспективы интенционального подхода к его исследованию. Представлены оригинальные методические подходы к изучению дискурса и дискурсивного воздействия, развиваемые в лаборатории психологии речи и психолингвистики Института психологии РАН, и полученные на их основе новые данные об интенциональной организации повседневного семейного и масс-медийного дискурса: предвыборных теледебатов, телебесед и ток-шоу. Наряду с общими вопросами организации дискурса и механизмами его психологического воздействия рассматриваются формирующиеся в процессе взаимодействия тактики ведения разговора, приемы дискурсивного воздействия в различных контекстах и интенциональные основания их выбора коммуникантами.

Ключевые слова: дискурс, воздействие дискурса, интенции субъектов общения, приемы воздействия, тактики ведения разговора, повседневный дискурс семьи, масс-медийный дискурс, интент-анализ.

DOI: 10.7868/S0205959217030023

В современном мире оптимизация деятельности фактически в любой сфере общественной практики предполагает понимание психологических закономерностей организации дискурса и целесообразное использование его потенциала воздействия. Данные, характеризующие виды дискурса и механизмы реализуемого ими психологического воздействия, приобретают особую значимость в связи с усилением роли коммуникации в современном мире, растущим влиянием, которое дискурс оказывает на жизнь человека и общества (Россия в глобализирующемся мире..., 2007; Журавлев и др. 2016 и мн. др.). Новые технологии, информатизация

и медиатизация общества усиливают включенность субъекта в растущее число коммуникативных ситуаций, с которыми соотносятся многообразные дискурсивные практики: повседневные, медийные, профессиональные. Современный человек имеет доступ к огромному информационному контенту и сам может создавать его, пользуясь широкими возможностями интернета. При этом становление информационного общества требует от человека знания различных приемов и тактик воздействия и вместе с тем умения такому воздействию противостоять.

Цель настоящей статьи – анализ подходов к изучению дискурса и дискурсивного воздействия, развиваемых в лаборатории психологии речи и психолингвистики Института психологии РАН, в контексте современных тенденций развития научной области.

¹ Государственное задание ФАНО РФ № 0159-2017-0003 “Психологические механизмы формирования и функционирования дискурса”.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИЗУЧЕНИИ ДИСКУРСА И ДИСКУРСИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Формирование дискурсивной парадигмы относят к концу XX века. За истекший период исследования дискурса стали междисциплинарными, возвращая внимание специалистов разных наук к естественным ситуациям общения и конкретным речевым формам — тому, что люди реально говорят, взаимодействуя друг с другом (Дейк, 2013; Журавлев, Павлова, 2007; Potter, 2011 и др.). Проводимые исследования позволяют говорить о ряде общих тенденций, характеризующих сложившиеся исследовательские установки.

Прежде всего, с обращением к проблематике дискурса усиливается *внимание к факторам контекста*, разнообразное сочетание которых определяет сложную типологию ситуаций и соответствующих им видов дискурса. При номинации дискурса может акцентироваться один или несколько факторов, интересующих исследователя: канал коммуникации (интернет-дискурс, кинодискурс, дискурс СМИ), институциональность (научный, политический, педагогический), субъекты общения и их социальные роли (дискурс общения IT-программистов, незнакомых людей и др.), функциональная специфика (дискурс постсобытийный, повседневный, этикетный) (Дискурс в современном мире..., 2011; Мас-сова культура..., 2003; Психология дискурса..., 2016; Чернявская, 2006; Шейгал, 2004 и др.). Тем самым выявляется многообразие дискурсивных практик, кардинальная значимость социокультурных, коммуникативных, прагматических и других факторов, включенных в формирование дискурса и его функционирование.

В этих условиях важным направлением исследований становится *изучение видов дискурса*, феноменов и закономерностей психологического воздействия, которые связаны с дискурсивной практикой в различных сферах современной жизни (Дейк, 2013; Дискурс в современном мире..., 2011; Психология дискурса..., 2016; Ситуационная и личностная детерминация дискурса, 2007 и др.). Обнаруживается, что одни дискурсы в большей степени соотносятся с прямым воздействием, другие — с косвенным. Функция воздействия выражена в их организации более или менее отчетливо. Однако представление о том, что, скажем, в дискурсе масс-медиа, привлекающем в этой связи наибольшее внимание, используются принципиально иные средства воздействия, нежели в сфере повседневной или деловой

коммуникации, не имеет оснований (Психологическое воздействие в... коммуникации, 2012; Чернявская, 2006). При этом данные о контекстных особенностях дискурсивного воздействия накапливаются. Так, показано, что по сравнению с политическим дискурсом речевая агрессия в разговорном интернет-дискурсе выражена более разнообразно и условия общения на интернет-площадке могут влиять на выбор коммуникативной стратегии (Басалаева, Лаппо, 2016). В постсобытийном интернет-дискурсе отмечается выраженный сдвиг в сторону интенций негативной оценки, сопряженных с такими приемами воздействия, как максимизация, эмоциональное заражение, выбор лексики (Гребенщикова и др., 2016). Выявляются особенности приемов воздействия в различных видах телевизионного дискурса (Григорьева, 2012).

С образованием социальных сетей и интернет-сообществ с открытым доступом в рассмотрение включаются *новые виды дискурса и механизмы воздействия*, которые ранее эмпирически не изучались. В поле зрения исследователей попадают такие специфические дискурсивные формы, как “интернет-мемы” и “демотиваторы”, служащие оценке события или объекта и идентификации члена группы (Кронгауз, 2013; Степанов, 2014). Большой интерес представляет механизм дискурсивного исключения, связанный с поддержанием групповой идентичности и служащий сохранению “порядка” в обсуждении: принятых способов говорения, тематики, сложившихся отношений к “своим” и “чужим” (Сергеева и др., 2016; Чернявская, 2006; Stroud и др., 2015).

В последнее время все большее место в исследованиях занимают *тонкие приемы воздействия*, отсылающие к элементам социокультурного контекста. Анализируются случаи, когда сама ситуация общения приобретает функции знака, задающего нужные говорящему оттенки смысла (Андрианов, 2014; Лебедев, 2014). Рассматриваются невербальные (Морозов, 2011) и провокативные компоненты дискурса (Степанов, 2014), имплицитные формы воздействия, имеющие коммуникативные и общеязыковые основания (Павлова, 2013; Чернявская, 2006). Отмечается важность изучения этих вопросов для психолингвистической экспертизы, особенно, в условиях усиливающегося правового регулирования деятельности СМИ и публичных высказываний (Андрианов, 2014; Баранов, 2007).

В качестве важной тенденции, сопряженной с анализом коммуникативного контекста, можно выделить *изучение тактик речевого воздействия*

(Гребенщикова, Зачесова, 2014; Иссерс, 2008). Выявляются распространенные тактики и составляющие их коммуникативные ходы при передаче или навязывании инициативы собеседнику, различающиеся по степени активности тактики перехвата инициативы, передачи слова определенному лицу (Иссерс, 2008, Psathas, 1995). В поисках причины использования тех или иных тактик ведения разговора, или конверсативных тактик анализируется повседневный диалог между близкими и незнакомыми людьми (Афиногенова, 2012; Гребенщикова, Зачесова, 2014; Китайгородская, Розанова, 2005), эффективность использования различных тактик в целях оправдания поступка (Латынов, 2015). Эти исследования способствуют формированию современного представления о психологическом воздействии, которое концептуализируется как взаимодействие двух равноправных сторон, каждая из которых является субъектом своей дискурсивной активности (Латынов, 2013; Психологическое воздействие..., 2012).

Получают распространение исследования, в которых дается *описание механизмов дискурсивного воздействия*. При изучении различных аспектов дискурса (отражение в нем событий и фактов, взаимодействие собеседников, базовые концепты и др.) формируется представление о воздействии как значимой составляющей дискурсивной практики, к какой бы сфере жизни она ни относилась (Баранов, 2007; Гребенщикова, Зачесова, 2014; Дейк, 2013; Леонтьев, 2008; Психология дискурса..., 2016; Чернявская, 2006). При этом акцентируется роль непреднамеренного воздействия, которое сопряжено со способом выражения мысли и осуществляется вне зависимости от того, является ли формирование “картины мира” адресата целью говорящего.

В этой связи рассматриваются такие механизмы дискурсивного воздействия, как вариативность формулирования смысла, структурирование информации, выборочное отражение фактов. Отмечается, что в речи говорящий совершает выбор средств выражения; тем самым, вольно или невольно высказыванию придается определенная окраска (“я считаю – считается”, “мне уже пятьдесят – мне еще пятьдесят”) (Григорьева, 2012; Кормилицына, 2005; Чернявская, 2006 и др.). Механизм структурирования информации имеет коммуникативную природу. Он сопряжен с необходимостью опираться в практике общения на многочисленные допущения, касающиеся знаний собеседника, правил взаимодействия и пр. Говорящий относит часть информации

к исходным посылкам коммуникации, что открывает возможность имплицитно навязывать их адресату: так, в выражении “*укрепляется независимость СМИ*” неявно присутствует тезис о ее существовании, а предложение “*позвони мне, когда согласишься*” не предусматривает отказа.

Коммуникативный характер имеет и механизм выборочного отражения фактов. Выбор информации зависит от целей общения, что модифицирует представление событий и фактов в различных ситуациях. Подобное конструирование “версии событий” широко представлено в общении и служит как цели избежать осложнений во взаимоотношениях с собеседником и произвести благоприятное впечатление, так и навязыванию определенных взглядов (Лебедев, 2014; Harre, Stearns, 1995; Potter, 2011 и др.). В числе более специальных закономерностей следует называть механизм иллокутивного вынуждения, который определяет согласование речевых актов собеседников (вопрос – ответ или встречный вопрос, просьба – принятие или отклонение) и может с успехом использоваться при выстраивании конверсативной тактики (Иссерс, 2008).

Среди актуальных вопросов последнего времени – *выбор приемов дискурсивного воздействия*, изучение которого рассматривается как важная задача исследований психологического воздействия (Григорьева, 2012; Латынов, 2013; Психологическое воздействие..., 2012; Психологическое воздействие в межличностной..., 2014). Как и способы выражения в дискурсе нужного говорящему смысла, выбор приемов воздействия имеет сложную детерминацию. С одной стороны, успешность субъекта в реализации его намерений, интерпретации сказанного, эффективность общения в целом связываются с развитием дискурсивных способностей (Воронин, 2015), социолингвистической компетенции (Седов, 2004), эмоционального и социального интеллекта (Ушаков, 2009). С другой стороны, особенности дискурса невозможно понять без учета коммуникативной ситуации, задающей параметры текущего взаимодействия.

Решение этого вопроса и перспективы изучения организации дискурса мы связываем с развиваемым в лаборатории интенциональным подходом и методом интенционального анализа (Гребенщикова и др., 2016; Гребенщикова, Зачесова, 2014; Кубрак, 2009; Павлова, Григорьева, 2012; Ушакова и др., 2000 и др.). Интенции субъектов общения тесно связаны как с личностной сферой, так и с контекстом. Актуализируясь в соответствующих условиях,

они опосредуют влияние на дискурс многообразных психосоциальных переменных. С этих позиций интенциональное пространство дискурса — совокупность интенций и интенциональных структур, свойственных определенной сфере коммуникации, выступает как его психологическая основа, которая во многом определяет, что именно и каким образом говорится, как протекает взаимодействие с собеседником или аудиторией (Дискурс в современном мире..., 2011).

Важно подчеркнуть при этом, что высказывания в дискурсе за немногими исключениями полиинтенциональны. Одни интенции выступают ведущими, другие имеют подчиненный характер. Дискурс имеет сложное иерархически организованное интенциональное пространство (Павлова, 2013; Психология дискурса..., 2016, Ситуационная и личностная детерминация дискурса, 2007; Павлова, 2007), и если в одних случаях направленность на оказание воздействия является центральной и отчетливо осознаваемой, то в других — совершаемые речевые действия могут приводить к соответствующим результатам и без осознанной направленности на воздействие.

Исследования с применением метода интенцент-анализа, позволяющего реконструировать речевые интенции субъекта, охватывают сегодня обширную проблемную область. При этом выделяются два основных направления проводимых исследований: особенности дискурса в разных сферах действительности и оказание дискурсивного воздействия. Эти взаимосвязанные направления отражают представленные ниже эмпирические исследования, посвященные изучению семейного дискурса и интенциональных факторов дискурсивного воздействия.

ИНТЕНЦИОНАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОГО ДИСКУРСА СЕМЬИ

Диалог в семье признается базовой формой общения и может рассматриваться как форма дискурсивной практики с минимальным количеством этикетных и других формальных ограничений (Психологические проблемы семьи..., 2012). При этом в психологии тема остается малоизученной. Интенциональный подход позволяет обратиться к изучению движущих сил семейного диалога, являющегося результатом совместных, тонко скоординированных действий коммуникантов, связанных близкими отношениями и широким опытом совместной деятельности.

Эмпирическую базу исследования составили записи диалогов между взрослыми членами семьи. Все 48 участников исследования из числа семей студентов-психологов, историков и экономистов дали предварительное согласие на осуществление аудиозаписи. Согласно процедуре, описанной в (Земская и др., 1981), было получено 126 диалогов, содержащих суммарно 2769 коммуникативных ходов (реплики). Материал транскрибировался с учетом пауз, хезитаций, интонаций и других особенностей речи в непосредственном общении (Китайгородская, Розанова, 2005; Atkinson, Heritage, 1984). Для квалификации интенций применялся метод интенцент-анализа: учитывалась тема коммуникации, семейные роли говорящих, ответные реплики партнера и другие особенности текущего контекста взаимодействия. Каждая выделенная категория интенций с примером реализации вносилась в словарь, на который в дальнейшем опирались эксперты при оценке речевого материала; согласованность их работы по критерию *кappa* Флейса была высокой ($x_1\text{-}kappa = 0.83$, значимо отличается от нуля, $p < .01$). Для определения различий в выраженности интенций применялся критерий ϕ угловое преобразование Фишера и χ^2 Пирсона.

Всего было выделено 3016 частных интенций, которые соответствуют 42 категориям и формируют 7 ведущих интенциональных направленностей (ВИН) субъектов общения. Согласно полученным результатам, основные задачи семейного дискурса отвечают следующим ВИН коммуникантов: “побудить к обсуждению”, “побудить к действию”, “поддержать обсуждение”, “поддержать отношения с партнером”, “выступить против партнера”, “изменить мнение/представление партнера” и, наконец, “уклониться от обсуждения, предписания, навязываемого мнения”. Представленность в дискурсе каждой ВИН и ее состав отражены в табл. 1. С одной стороны, для каждой из направленностей характерно преобладание нескольких интенций, соответствующих ее специфике. С другой, редко встречаются случаи, чтобы та или иная интенция проявлялась исключительно в одной ВИН. Такое положение дел соответствует многоплановости интенционального подтекста. Результаты статистической обработки данных интенцент-анализа позволяют сделать вывод о том, что отнесение интенций к семи названным ВИН обосновано: каждая ВИН отличается от любой другой по выраженности интенций в своем составе (χ^2 Пирсона, различия в распределении частот значимы $p < .01$).

Таблица 1. Выраженность ведущих интенциональных направленностей в семейном дискурсе и их состав

Категории ВИН	Интенциональный состав ВИН	Выраженность ВИН в дискурсе	
		Абсолютная частота	% от числа всех интенций
побудить к обсуждению	запросить информацию, поинтересоваться, поболтать, сообщить, вернуться к теме, упрекнуть/выразить недовольство, поделиться и др.	327	10.8
побудить к действию	дать указание, запросить информацию, советовать, выразить заботу, попросить и др.	297	9.9
поддержать обсуждение	поболтать, пояснить свое мнение, информировать, выразить мнение, уточнить позицию партнера, пошутить и др.	476	15.8
поддержать отношения с партнером	поболтать, поинтересоваться, сообщить, пожаловаться, пояснить свое мнение, выразить мнение/отношение, поделиться, выразить сочувствие и др.	1174	38.9
выступить против партнера	упрекнуть/выразить недовольство, возразить/критиковать позицию партнера, пояснить свою позицию, осуществить самопрезентацию, выразить издевку и др.	142	4.7
изменить мнение/представление партнера	возразить/критиковать позицию партнера; обосновать/аргументировать свою позицию, информировать, оправдаться, выразить мнение и др.	297	9.9
уклониться от обсуждения, предписания, навязываемого мнения	пояснить свою позицию, обозначить участие в коммуникации, сменить тему, сообщить/информировать, уточнить позицию собеседника, оправдаться и др.	303	10

Качественные характеристики и выраженность ВИН выявляют специфику семейного дискурса. Так, показательно, что не было обнаружено достаточных оснований для выделения направленностей, которые можно было бы обозначить как “принять предписания, позицию партнера”, равно как и “отказаться” от них. Эти устремления выражены редкими случаями частных интенций “выразить согласие” (1.3% всех интенций), “выразить одобрение” (0.3%) и “отказаться” (0.5%). Избегание воздействия в виде неконкретного ответа, смены темы или стремления “отшутиться”, отраженных в ВИН “уклониться”, более характерно для семейного дискурса.

Обращает внимание также тот факт, что среди типовых референциальных направленностей субъекта общения на себя, на партнера и на текущую коммуникацию (Ушакова и др., 2000) в семейном дискурсе преобладает направленность на партнера: побудить его к действию, к обсуждению, поддержать отношения, изменить представления или выступить против него. Это отличает данный дискурс, например, от предвыборного

дискурса, где отчетливо проявляется направленность политика на себя (Григорьева, 2012; Ушакова и др., 2000). В сравнении с другим видом повседневного дискурса, связанным с общением хорошо знакомых собеседников, – студенческим дискурсом, семейный дискурс отличается наличием ВИН “выступить против партнера”, что можно объяснить более сильной эмоциональной вовлеченностью членов семьи в диалог и наличием выраженного проблемного содержания коммуникации. Напротив, в повседневном дискурсе в студенческой среде отсутствует ВИН “поддержать отношения с партнером”, которая замещается ВИН “проявить или охарактеризовать себя” и ВИН “выразить отношение, состояние” (Афиногенова, 2012).

При изучении диалоговых форм дискурса особого внимания заслуживает процесс взаимодействия собеседников. Для анализа этого аспекта были рассмотрены варианты согласования ВИН собеседников, или интенциональные паттерны, в которых коммуниканты реализуют свои позиции. Проверялась исследовательская гипотеза

о том, что семейный дискурс характеризуется выраженностью определенных интенциональных паттернов. Было проанализировано 2393 паттерна, распределение которых значимо отличалось от равномерного ($\chi^2 = 9595.29$, $df = 48$, $p < .01$), т.е. преобладали определенные интенциональные паттерны, репрезентирующие взаимодействие коммуникантов.

Было показано, что несмотря на принципиальную возможность реализации любого из 49 вариантов интенциональных паттернов, только четверть из них имели высокую частотность. К частотным паттернам относятся, например, сочетания ВИН “изменить мнение партнера” – ВИН “уклониться от навязываемого мнения” (52 раза) и ВИН “уклониться” – ВИН “изменить мнение” (51 раз), свидетельствующие о многократно проявляемом стремлении коммуникантов повлиять друг на друга и ответном нежелании партнеров подчиняться этой установке. Аналогичное положение наблюдается в паре, когда собеседники действуют в русле одной ВИН “изменить мнение” (116 раз), что отражает активное сопротивление воздействию партнера с аргументированием и критикой.

При этом первые два места по распространенности в семейном дискурсе занимают интенциональные паттерны с преобладанием фатического компонента, связанного с поддержанием отношений в общении: в этом случае оба собеседника реализуют ВИН “поддержать обсуждение” (290 раз) или ВИН “поддержать отношения” (589 раз). Первый паттерн свидетельствует о направленности коммуникантов на поддержание разговора как таковое, уточнение мнения собеседника и сообщение своего. Неслучайно, ВИН “поддержать обсуждение” в диалогах проблемного плана имеет “нейтрализующий” характер по отношению к воздействию собеседника и переносит внимание адресата с личности говорящих на саму коммуникацию. Частота позитивного эмоционального обмена, оказания поддержки друг другу значительно превышает количество демонстрируемых негативных оценок собеседника (частота реализации интенционального паттерна ВИН “поддержать отношения” – ВИН “поддержать отношения” выше, чем интенционального паттерна ВИН “выступить против партнера” – ВИН “выступить против партнера”, $\varphi = 28.76$, различия значимы на уровне $p < .01$).

Последовательность интенциональных паттернов формирует *конверсативную тактику*, при реализации которой интенции, выражаемые коммуникантом, задают варианты ответа партнеру

в соответствии с иллокутивным вынуждением. Диалоги фатического характера могут включать следующие конверсативные тактики: на полюсе кооперативности взаимоотношений может быть реализована последовательность “побудить к обсуждению” – “поддержать обсуждение” – “поддержать отношения” – “поддержать отношения”, возможна последовательность “побудить к обсуждению” – “поддержать обсуждение” – “поддержать обсуждение” и др. Диалоги подобного типа связаны с удовлетворением потребности в общении и эмоциональной близости, когда оба собеседника могут развивать и поддерживать тему только одного из них: Л: *“Ехала в метро / видела стоит / бабулька / лет под семьдесят / коса а-ля // Тимошенко // (поболтать). – А.: А-а / я думала / Ющенко // (поболтать)– Л.: Девушку сбила / летит / извините-извините // (поболтать) – А.: Видишь / какая культурная бабушка / спортсменка //”* (поболтать).

Столкновение сторон, как правило, проявляется отсрочено, например, “побудить к обсуждению” – “поддержать обсуждение” – “поддержать отношения” – “выступить против партнера” – “выступить против партнера”. Количество случаев, когда тактика начинается с ВИН “выступить против партнера”, незначительно.

К сфере информационной, содержательной коммуникации относятся такие варианты развития взаимодействия, как “побудить к обсуждению” – “поддержать обсуждение” – “изменить мнение” – “уклониться от обсуждения” или “побудить к обсуждению” – “поддержать обсуждение” – “изменить мнение” – “изменить мнение”. Игнорирование интенций собеседника, выражаемое в уклончивом ответе, предложении своей темы, отшучивании, свидетельствует о стремлении коммуниканта выйти из-под влияния собеседника: М.: *“Не знаю/ если делать до приезда Иры/ нужно на следующей неделе // (настоять на своем). – Н.: Или заказать в передаче “Магазин на диване” // (пошутить).* Напряженность диалога в случае столкновения сторон реализуется в таких парах интенций, как возразить – критиковать, дать указание – выразить недовольство: А.: *“Давай мой посуду / чтобы папа пришел / было чисто // (дать указание) – Б.: Я и с собакой погуляй / я и посуду помой / я и папе продиктуй //”* (выразить недовольство).

У каждого из коммуникантов есть возможность выстраивания своей линии взаимодействия в зависимости от возникающих эффектов. При этом в семейном дискурсе статистически чаще используются различные тактики, чем однократные

коммуникативные ходы (98 и 53 раза соответственно, различия значимы $p < .01$). Это свидетельствует о том, что сопротивление собеседника обычно не останавливает говорящего. Случаи, когда высказывание сразу достигает своей цели, характеризуются комплементарностью интенций собеседников: поинтересоваться – пояснить, попросить – обещать (К.: “*Ну а с тебя просто на еду / поесть //*” (напомнить). – Л.: “*С меня на еду / хорошо //*” (согласиться)).

Границы тактики могут определяться сменой темы, достижением конкретного результата, желанием коммуникантов завершить диалог. Выбор тактики зависит от целого ряда причин: это и точка зрения говорящего на проблему, и его оценка текущей ситуации общения и особенно реакции собеседника. Преимущество каждого из собеседников в удержании контроля над развитием диалога является ситуативным: в пределах одного диалога партнеры могут меняться ролями “ведущий” / “ведомый” и, более того, навязывать их друг другу.

ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ДИСКУРСИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Сравнительное изучение видов дискурса открывает возможности описания их интенциональных характеристик как психологического основания выбора коммуникантами приемов оказания воздействия. Поскольку соотношение интенций с конкретными приемами воздействия наиболее четко можно проследить в дискурсе, прагматическая направленность которого ярко выражена, в русле интенционального подхода был проведен цикл исследований масс-медийного дискурса (Григорьева, 2012; Павлова, Григорьева, 2012). Гипотеза исследования предполагала, что виды дискурса, формирующиеся в различных коммуникативных контекстах, имеют определенные, присущие им интенциональные характеристики, опосредствующие использование тех или иных приемов воздействия.

Исследование касалось трех видов масс-медийного дискурса, относящихся к публичным выступлениям: *предвыборные теледебаты* между политиками-оппонентами с регламентирующим обсуждением участием ведущего, *телебеседы* между ведущим и одним приглашенным гостем и *ток-шоу*, в котором может быть несколько героев-гостей, зрители и ведущий. По форме все названные виды дискурса принадлежат к развернутым и частично подготовленным диалогам. Выявлялась интенциональная специфика

сопоставляемых видов дискурса, исследовались различия в наборе и частотности используемых в них приемов воздействия, а также взаимосвязь между интенциональными характеристиками дискурса и реализуемыми в нем приемами воздействия. Для оценки интенций применялся интент-анализ на основе экспертного обсуждения, для оценки приемов воздействия – контент-анализ. Было изучено 150 образцов дискурса (по 50 образцов дискурса каждого вида). Для сравнения выраженности частот использовался критерий углового преобразования Фишера (значимость различий отмечалась при $p < .05$). Связь между проявленными интенциями и употребленными приемами воздействия устанавливалась с помощью метода *Data Mining* и системы *WizWhy 3.01*.

По результатам интент-анализа выделено 23 категории интенций, реализовавшихся суммарно 2736 раз, контент-аналитическое исследование обнаружило 27 видов приемов воздействия, использованных коммуникантами 815 раз.

Анализ интенциональных характеристик предвыборных теледебатов, телебесед и ток-шоу выявил четыре основных референциальных направленности субъектов общения: на себя, на ситуацию, на зрителя и на героя передачи. Каждая из этих направленностей представлена совокупностью конкретных интенций: осуществить самопрезентацию, привлечь внимание, проявить отношение, побудить к действиям и др. При этом в разных видах дискурса выраженность данных референциальных направленностей различается (табл. 2). Например, направленность участников *на себя* и *на зрителя* наиболее выражена в предвыборном дискурсе, направленность *на ситуацию* характерна для телебеседы, *на героя передачи* – для ток-шоу. Обнаруживаются и особенности реализации конкретных направленностей. Так, основной составляющей направленности *на себя* во всех трех видах дискурса выступают интенции позитивной самопрезентации: стремление продемонстрировать свои положительные качества, рассказать о своих достижениях. В предвыборных дебатах такого рода интенции встречаются чаще, чем в телебеседах и значительно чаще, чем в ток-шоу (265, 193 и 52 случая проявления интенции соответственно, $p \leq .02$). Для направленности *на зрителя* в предвыборных дебатах и телебеседах характерны интенции привлечения на свою сторону, агитации, но в дебатах такие интенции выражены сильнее (91 и 42 случая соответственно, $p < .01$); кроме того теледебаты, в наибольшей степени ориентированные на аудиторию, отличаются выраженными провокативными интенциями:

Таблица 2. Выраженность основных и факультативных референциальных направленностей субъектов общения в разных видах телевизионного дискурса

Вид дискурса	Референциальная направленность субъектов общения					
	На себя	На ситуацию	На зрителя	На героя передачи	На ведущего	На разговор
Предвыборные теледебаты	361 (32%)	324 (27%)	304 (25%)	170 (15%)	11 (1%)	0
Телебеседы	343 (33%)	354 (34%)	209 (20%)	43 (7%)	62 (6%)	0
Ток-шоу	116 (21%)	173 (32%)	84 (15%)	162 (29%)	6 (1%)	11 (2%)

Примечание: Представлены абсолютные частоты, в скобках – % от общего числа интенций в дискурсе каждого вида.

стремление вызвать у зрителей определенные чувства и эмоции, побудить их к действиям.

Наряду с различиями в частотности интенций обнаруживаются и такие интенции, которые, будучи характерны для одних видов дискурса, практически не проявляются в других. Так, специфической для предвыборных дебатов является нацеленность политика на сближение с аудиторией, выражающаяся в таких интенциях, как идентификация с избирателем, демонстрация близости к народу. В телебеседах выражены не характерные для других исследованных видов дискурса “самоохранительные” интенции: самооправдание, демонстрация собственной невиновности, избегание ответственности. В целом по результатам исследования анализируемые виды дискурса различаются по выраженности основных референциальных направленностей, набору наполняющих их интенций, а также наличию факультативных интенциональных направленностей – на ведущего и на регуляцию разговора.

Приемы воздействия, используемые коммуникантами, многообразны (рис.). По данным контент-анализа к числу наиболее употребительных относятся такие приемы, как *выбор предоставляемой информации* (14.6% от числа всех реализаций приемов), *сообщение позитивных или негативных фактов* (10.6%), *использование экспрессивных слов* (9.2%), *эмоциональное заражение* (7%). Кроме того, достаточно распространены приемы *максимизации, перечисления, жаргона, детализации описания, ссылки на очевидцев*.

Чаще всего приемы воздействия используются в предвыборных дебатах (48% случаев реализации), реже в телебеседах (38%) и ток-шоу (14%). При этом при сопоставлении полученных данных обнаруживается, что прием *детализации описания*,

к примеру, практически в равной степени используется в ток-шоу и телебеседах, но значительно реже в предвыборных дебатах, хотя именно дебаты отличает максимальная насыщенность приемами воздействия. Прием *ссылки на очевидцев* одинаково редко применяется в предвыборных дебатах и в ток-шоу, но значительно чаще в телебеседах. *Военная метафора* представлена фактически только в предвыборных дебатах.

Эти и другие данные показывают, что хотя наиболее обычные для масс-медийного дискурса приемы воздействия – *выбор информации* и *сообщение позитивных или негативных фактов*, различий в частоте употребления не обнаруживают, целый ряд приемов используется преимущественно в дискурсе определенного вида. Это можно объяснить тем, что подобные приемы связаны со специальными характеристиками коммуникативного контекста и, соответственно, с особым кругом интенций, которые в нем актуализируются. Так, в предвыборных дебатах и разговорах с ведущим реализуется практически равное количество приемов, ориентированных на оказание рационального воздействия, зато средства эмоционального воздействия (*экспрессивные слова, использование отношения свой/чужой* и др.) встречаются в предвыборном дискурсе значительно чаще, чем в других его видах. Можно полагать, что эта особенность определяется агитационным характером предвыборных выступлений, призванных воздействовать на избирателей разных социальных слоев и возрастных категорий. Интенции, направленные на возбуждение у адресата необходимых чувств и эмоций, отмечаются только в предвыборных дебатах. Приемы, служащие акцентированию сказанного и его запоминанию (*длина предложений, повторение*), чаще всего используются в ток-шоу, в то время как

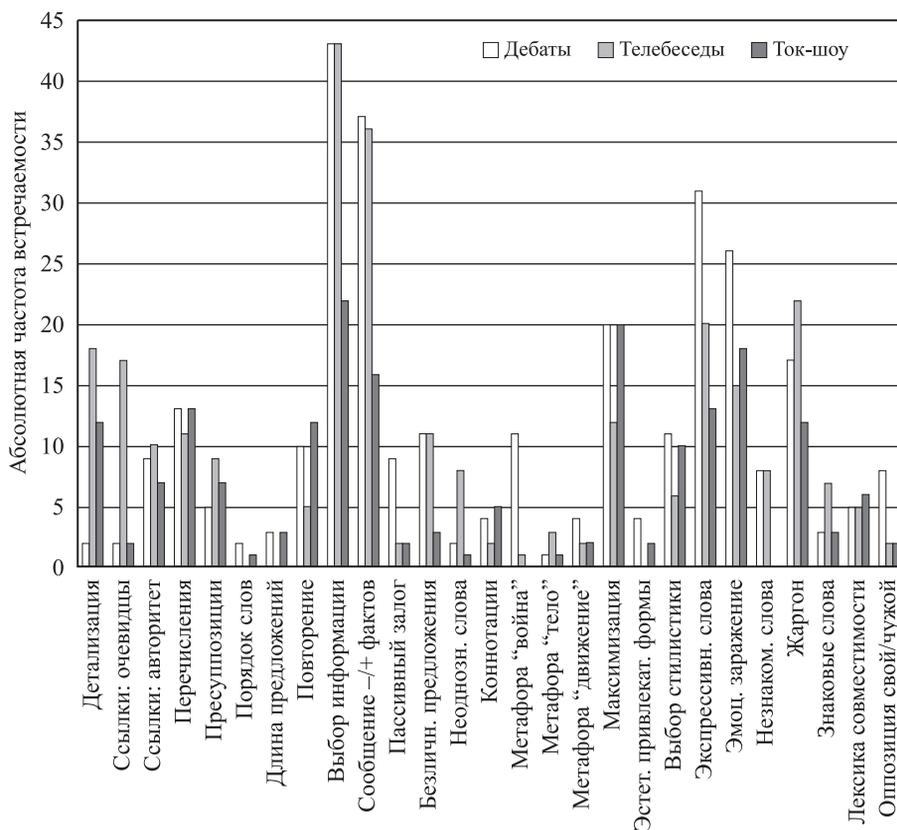

Рис. Выраженность приемов воздействия в разных видах масс-медийного дискурса.

в телебеседах они практически не встречаются. Но именно ток-шоу отличает выраженность интенций, направленных на привлечение и удержание внимания собеседника, в телебеседах такого рода интенции не выявляются.

Для более детального анализа и проверки предположения об интенциональной обусловленности выбора приемов оказания воздействия был проведен специальный анализ. *Связь между интенциональными характеристиками дискурса и используемыми в нем приемами воздействия* исследовалась с помощью метода *Data Mining*. Выявились такие интенции или сочетания интенций, при наличии которых можно утверждать, что их реализация с низкой вероятностью ошибки будет сопряжена с определенным приемом воздействия. Правила различаются по количеству условий – интенций, связанных с употреблением того или иного приема воздействия. В общем случае констатируется связь приема с 1–5 интенциями, часто образующими определенный интенциональный комплекс.

Существуют правила, которые реализуются в дискурсе с высокой вероятностью. Так, приемы *выбор предоставляемой информации* и *сообщение*

позитивных/негативных фактов, которые оказались связаны с 81,25% и 56,25% интенций соответственно (из общего числа интенций, для которых обнаружены правила), могут реализовываться с такой регулярностью, что можно говорить не только об универсальности приемов, но и о стереотипном порядке их использования. Примером может служить правило, в соответствии с которым можно утверждать, что если у говорящего присутствует интенция построить прогноз обсуждаемой ситуации, в 100% случаев будет использоваться прием *выбора информации* (вероятность ошибки < .01). Употребление большинства приемов при наличии релевантных интенций вероятно, но может и не последовать, причиной чего может быть, в частности, отсутствие риторических навыков.

Показательно, что, согласно полученным данным, использование приема часто связано с тем или иным сочетанием интенций, причем вероятность реализации правила в большинстве случаев возрастает с увеличением числа интенций, входящих в комплекс. К примеру, если правило, связывающее *использование жаргона* со стремлением акцентировать негативные стороны окружающей жизни, реализуется в 59% случаев, то при наличии

комплекса интенций, включающего демонстрацию собственной компетенции, анализ ситуации и акцентирование ее негативных сторон, прием используется в 84% случаев. Эти данные подтверждают тезис о взаимосвязанности интенций, их включенности в целостные интенциональные структуры (Дискурс в современном мире..., 2011).

В совокупности установленные правила позволяют объяснить особенности использования приемов воздействия в разных видах дискурса. Если широко представленные в каждом из них *выбор информации и сообщение позитивных или негативных фактов*, обнаруживают связь с большим количеством разнообразных интенций, то остальные приемы оказались связаны с характерным кругом интенций, специфичным для дискурса определенного вида.

Остановимся на использовании широко представленных в предвыборных дебатах *экспрессивных слов*. Этот прием оказался связанным с тремя основными интенциональными комплексами. Во-первых, его употребление соотносится с негативной направленностью на оппонента: стремлением его обвинить, раскритиковать и/или продемонстрировать неприятие его взглядов. Например, в соответствии с одним из обнаруженных правил можно утверждать, что в 89% случаев, если в речи говорящего присутствуют интенции обвинения и критики оппонента, будет использован прием употребления экспрессивных слов. Во-вторых, как свидетельствует другая группа правил, стремлению обвинить оппонента или продемонстрировать его неприятие говорящим может сопутствовать направленность на выигрышную самопрезентацию. В третьем варианте данный прием связан со стремлениями обвинить оппонента и акцентировать негативные стороны сложившейся ситуации. Все эти интенции и их сочетания выражены в первую очередь в предвыборных теледебатах. Для сопоставления приведем данные, касающиеся *детализации описания* – приема, который используется в предвыборных дебатах значительно реже, чем в ток-шоу и телебеседах. Этот прием, как показывают правила, связан с направленностью на описание ситуации и самооправдание. Направленность на описание ситуации, в отличие от ее критического анализа и оценки, не характерна для предвыборного дискурса. Вместе с тем данные *WizWhy*-анализа обнаруживают связь этого приема не только с указанными интенциями, но и напрямую с дискурсом ток-шоу.

ВЫВОДЫ

1. Изучению дискурса и дискурсивного воздействия может способствовать интенциональный подход, устанавливающий связь между актуальными интенциями субъектов общения и используемыми способами выражения, приемами воздействия, протеканием речевого взаимодействия.

2. Интенциональную организацию повседневного дискурса семьи определяют ведущие интенциональные направленности (ВИН) субъектов общения: “побудить к действию”, “побудить к обсуждению”, “поддержать обсуждение”, “поддержать отношения с партнером”, “выступить против партнера”, “изменить мнение (представление) партнера”, “уклониться (от предписания или навязываемого мнения)”. Названные направленности отличаются по выраженности наполняющих их интенций и имеют различную представленность в конкретном коммуникативном контексте.

3. Сочетания ВИН партнеров общения формируют интенциональные паттерны взаимодействия, последовательность которых образует конверсативную тактику. Преобладание определенных паттернов позволяет характеризовать семейный дискурс как отличающийся высокой выраженностью лишенного информативной необходимости “общения ради общения” и свободной реализацией многоходовых конверсативных тактик, когда субъект продолжает действовать до достижения результата, невзирая на сопротивление собеседника.

4. Интенциональную организацию предвыборных теледебатов, телебесед и ток-шоу определяют четыре референциальных направленности субъектов общения: на себя, на ситуацию, на зрителя и на героя передачи. Названные виды масс-медийного дискурса различаются по выраженности этих направленностей, набору наполняющих их интенций, наличию факультативных интенциональных направленностей – на ведущего и на регуляцию разговора. Обнаруживается также специфика приемов дискурсивного воздействия, проявляющаяся в частоте их применения и наборе наиболее часто используемых приемов.

5. Существует связь между интенциональными характеристиками дискурса и реализуемыми в нем приемами воздействия: при наличии интенции или определенной их совокупности с высокой вероятностью реализуется конкретный прием дискурсивного воздействия. При этом такие приемы, как *выбор информации и сообщение позитивных/негативных фактов* реализуются с такой регулярностью, что можно

говорить о стереотипном порядке их использования. В большинстве случаев применение приема сопряжено с определенным интенциональным комплексом, и вероятность реализации приема растет с увеличением количества интенций в его составе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрианов М. С. Информационно-психологическое воздействие в процессе правовой коммуникации // Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2014. С. 372–388.
2. Афиногенова В. А. Интенциональная организация повседневного диалога // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2012. № 2. С. 257–265.
3. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М.: Флинта-Наука, 2007.
4. Басалаева Е. Г., Ланно М. А. Конфликтный дискурс в коммуникативном пространстве (на примере Новосибирской области) // Психология дискурса: проблемы детерминации, воздействия, безопасности. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2016. С. 268–284.
5. Воронин А. Н. Дискурсивные способности: теория, методы изучения, психодиагностика. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2015.
6. Григорьева А. А. Интенциональные основания психологического воздействия в дискурсе. Дисс. ... канд. психол. наук. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2012.
7. Гребенщикова Т. А., Зачесова И. А. Психология повседневного дискурса: Интенциональный аспект. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2014.
8. Гребенщикова Т. А., Павлова Н. Д., Афиногенова В. А. Модификация интенционального пространства в постсобытийном интернет-дискурсе // Психология дискурса: проблемы детерминации, воздействия, безопасности. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2016. С. 201–219.
9. Дейк ван Т. А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. М.: Книжный дом "Либроком", 2013.
10. Дискурс в современном мире. Психологические исследования / Под ред. Н. Д. Павловой, И. А. Зачесовой. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2011.
11. Журавлев А. Л., Павлова Н. Д. К междисциплинарной проблематике дискурса // Ситуационная и личностная детерминация дискурса. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2007. С. 6–11.
12. Журавлев А. Л., Павлова Н. Д., Зачесова И. А. О дискурсе, дискурсивном воздействии и информационно-психологической безопасности (вместо предисловия) // Психология дискурса: проблемы детерминации, воздействия, безопасности. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2016. С. 5–10.
13. Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981.
14. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
15. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Речь москвичей. Коммуникативно-культурологический аспект. М.: Научный мир, 2005.
16. Кормилицына М. А. Средства создания эмоциональной тональности газетного текста // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2005. Вып. 5. С. 16–25.
17. Кронгауз М. Самоучитель Олбанского. М.: АСТ; CORPUS, 2013.
18. Кубрак Т. А. Интенция самопрезентации субъекта в вербальной коммуникации: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 2009.
19. Латынов В. В. Психология коммуникативного воздействия. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2013.
20. Латынов В. В. Психологические закономерности объяснения неэтичных поступков // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 1. С. 61–70.
21. Лебедев А. Н. Информационная неопределенность как механизм психологического воздействия // Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2014. С. 32–44.
22. Леонтьев А. А. Прикладная психолингвистика речевого общения и массовой коммуникации. М.: Смысл, 2008.
23. Массовая культура на рубеже XX – XXI веков: Человек и его дискурс. / Под ред. Ю. А. Сорокина, М. Р. Желтухиной. М.: Азбуковни, 2003.
24. Морозов В. П. Невербальная коммуникация. Экспериментально-психологические исследования. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2011.
25. Павлова Н. Д. Механизмы и средства психологического воздействия в дискурсе // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 32. С. 3. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 20.10.2013).
26. Павлова Н. Д., Григорьева А. А. Интенциональные основания выбора средств речевого воздействия (на примере масс-медийного дискурса) // Психолінгвістика: Науково-теоретичний збірник. 2012. № 10. С. 92–106.

27. Павлова Н.Д. Новые направления исследований в психологии речи и психолингвистике // Психологический журнал. 2007. № 2. С. 19–30.
28. Психологические проблемы семьи и личности в мегаполисе. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2012.
29. Психологическое воздействие: Механизмы, стратегии, возможности противодействия / Под ред. А.Л. Журавлева, Н.Д. Павловой. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2012.
30. Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Н.Д. Павлова. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2014.
31. Психология дискурса: проблемы детерминации, воздействия, безопасности / Под ред. А.Л. Журавлева, Н.Д. Павловой, И.А. Зачесовой. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2016.
32. Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / Отв. ред. В.С. Степин. М.: Наука, 2007.
33. Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М.: Лабиринт, 2004.
34. Сергеева А.С., Кириллов Б.А., Воронина Е.Ю. Комментарий как форма дискурса профессионального виртуального сообщества (на примере IT) // Психология дискурса: проблемы детерминации, воздействия, безопасности. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2016. С. 84–101.
35. Ситуационная и личностная детерминация дискурса / Под ред. Н.Д. Павловой, И.А. Зачесовой. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2007.
36. Степанов В.Н. Эмоциогенная речь и ее жанры в рекламе // Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2014. С. 121–140.
37. Ушаков Д.В. Социальный и эмоциональный интеллект: надежды, сомнения, перспективы // Социальный и эмоциональный интеллект: от процессов к измерениям. М.: Изд-во “Институт Психологии РАН”, 2009. С. 11–30.
38. Ушакова Т.Н., Павлова Н.Д., Алексеев К.И., Латынов В.В., Цепцов В.В. Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса. СПб: Алетейя, 2000.
39. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. М.: Флинта: Наука, 2006.
40. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004.
41. Atkinson J.M., Heritage J. Structures of Social Action: Studies in Conversation Analysis. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.
42. Harre R., Stearns P. (Eds). Discursive Psychology in Practice. London, 1995.
43. Potter J. Discursive psychology and the study of Naturally occurring Talk // Qualitative Research / (Ed.) D. Silverman. SAGE Publications, 2011. P. 187–207.
44. Psathas G. Conversation Analysis: The study of talk-in-interaction. L., 1995.
45. Stroud N.J., Scacco J.M., Muddiman A., Curry A.L. Changing Deliberative Norms on News Organizations’ Facebook Sites. J. Comput-Mediat Comm, 2015. 20: P. 188–203.

REFERENCES

1. Andrianov M. S. Informacionno-psihologicheskoe vozdejstvie v processe pravovoj kommunikacii // Psihologicheskoe vozdejstvie v mezhlchnostnoj i massovoj kommunikacii. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2014. P. 372–388. (In Russian).
2. Afinogenova V. A. Intencional’naja organizacija povsednevnogo dialoga // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pedagogika i psihologija. 2012. № 2. P. 257–265. (In Russian).
3. Baranov A. N. Lingvisticheskaja jekspertiza teksta: teoriya i praktika. Moscow: Flinta-Nauka, 2007. (In Russian).
4. Basalaeva E.G., Lappo M.A. Konfliktnyj diskurs v kommunikativnom prostranstve (na primere Novosibirskoj oblasti) // Psihologija diskursa: problemy determinacii, vozdejstvija, bezopasnosti. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2016. P. 268–284. (In Russian).
5. Voronin A. N. Diskursivnye sposobnosti: teoriya, metody izuchenija, psihodiagnostika. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2015. (In Russian).
6. Grigor’eva A. A. Intencional’nye osnovanija psihologicheskogo vozdejstvija v diskurse. Diss. ... kand. psihol. nauk. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2012. (In Russian).
7. Grebenshnikova T.A., Zachesova I. A. Psihologija povsednevnogo diskursa: Intencional’nyj aspekt. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2014. (In Russian).
8. Grebenshnikova T.A., Pavlova N.D., Afinogenova V. A. Modifikacija intencional'nogo prostranstva v postsobytnom internet-diskurse // Psihologija diskursa: problemy determinacii, vozdejstvija, bezopasnosti. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2016. P. 201–219. (In Russian).
9. Dejk van T.A. Diskurs i vlast’: Reprezentacija dominirovanija v jazyke i kommunikacii. Per. s angl. Moscow: Knizhnyj dom “Librokom”, 2013. (In Russian).
10. Diskurs v sovremennom mire. Psihologicheskie issledovanija / Eds: N. D. Pavlovoj, I. A. Zachesovoj. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2011. (In Russian).

11. Zhuravlev A.L., Pavlova N.D. K mezhdisciplinarnoj problematike diskursa // Situacionnaja i lichnostnaja determinacija diskursa. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2007. P. 6–11. (In Russian).
12. Zhuravlev A.L., Pavlova N.D., Zachesova I.A. O diskurse, diskursivnom vozdejstvii i informacionno-psihologicheskoy bezopasnosti (vmesto predislovija) // Psihologija diskursa: problemy determinacii, vozdejstvija, bezopasnosti. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2016. P. 5–10. (In Russian).
13. Zemskaja E.A., Kitajgorodskaja M.V., Shirjaev E.N. Russkaja razgovornaja rech': Obshhie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis. Moscow: Nauka, 1981. (In Russian).
14. Issers O.S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi. Moscow: Izd-vo LKI, 2008. (In Russian).
15. Kitajgorodskaja M.V., Rozanova N.N. Rech' moskvichej. Kommunikativno-kul'turologicheskij aspekt. Moscow: Nauchnyj mir, 2005. (In Russian).
16. Kormilicyna M.A. Sredstva sozdaniya jemocional'noj tonal'nosti gazetnogo teksta // Problemy rechevoj kommunikacii: Mezhvuz. sb. nauch. tr. Saratov, 2005. Vyp. 5. P. 16–25. (In Russian).
17. Krongauz M. Samouchitel' Olbanskogo. Moscow: AST; CORPUS, 2013. (In Russian).
18. Kubrak T.A. Intencija samoprezentacii sub#ekta v verbal'noj kommunikacii: Avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2009. (In Russian).
19. Latynov V.V. Psihologija kommunikativnogo vozdejstvija. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2013. (In Russian).
20. Latynov V.V. Psihologicheskie zakonomernosti obyjasnenija nejetichnyh postupkov // Psihologicheskij zhurnal. 2015. Vol. 36. № 1. P. 61–70. (In Russian).
21. Lebedev A.N. Informacionnaja neopredelennost' kak mehanizm psihologicheskogo vozdejstvija // Psihologicheskoe vozdejstvie v mezhlichnostnoj i massovoj kommunikacii. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2014. P. 32–44. (In Russian).
22. Leont'ev A.A. Prikladnaja psiholingvistika rechevogo obshhenija i massovoj kommunikacii. Moscow: Smysl, 2008. (In Russian).
23. Massovaja kul'tura na rubezhe XX – XXI vekov: Che-lovek i ego diskurs. / Eds. Ju.A. Sorokina, M. R. Zhel-tuhinoy. Moscow: Azbukovni, 2003. (In Russian).
24. Morozov V.P. Neverbal'naja kommunikacija. Jeksperimental'no-psihologicheskie issledovanija. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2011. (In Russian).
25. Pavlova N.D. Mehanizmy i sredstva psihologicheskogo vozdejstvija v diskurse // Psihologicheskie issledovanija. 2013. Vol. 6. № 32. P. 3. URL: <http://psystudy.ru> (data obrashhenija: 20.10.2013). (In Russian).
26. Pavlova N.D., Grigor'eva A.A. Intencional'nye osnovanija vybora sredstv rechevogo vozdejstvija (na primere mass-medijnogo diskursa) // Psihologicheskij zhurnal. 2012. № 10. P. 92–106. (In Russian).
27. Pavlova N.D. Novye napravlenija issledovanij v psihologii rechi i psiholingvistike // Psihologicheskij zhurnal. 2007. № 2. P. 19–30. (In Russian).
28. Psihologicheskie problemy sem'i i lichnosti v megapolise. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2012. (In Russian).
29. Psihologicheskoe vozdejstvie: Mehanizmy, strategii, vozmozhnosti protivodejstvija / Eds. A. L. Zhuravleva, N. D. Pavlovoj. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2012. (In Russian).
30. Psihologicheskoe vozdejstvie v mezhlichnostnoj i massovoj kommunikacii / Eds. A. L. Zhuravlev, N. D. Pavlova. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2014. (In Russian).
31. Psihologija diskursa: problemy determinacii, vozdejstvija, bezopasnosti / Eds. A. L. Zhuravleva, N. D. Pavlovoj, I. A. Zachesovoj. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2016. (In Russian).
32. Rossiya v globalizirujushhemsja mire: mirovozzrencheskie i sociokul'turnye aspekty / Ed.: V.S. Stepin. Moscow: Nauka, 2007. (In Russian).
33. Sedov K.F. Diskurs i lichnost': jevoljucija kommunikativnoj kompetencii. Moscow: Labirint, 2004. (In Russian).
34. Sergeeva A.S., Kirillov B.A., Voronina E. Ju. Kommentarij kak forma diskursa professional'nogo virtual'nogo soobshhestva (na primere IT) // Psihologija diskursa: problemy determinacii, vozdejstvija, bezopasnosti. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2016. P. 84–101. (In Russian).
35. Situacionnaja i lichnostnaja determinacija diskursa / Eds. N. D. Pavlovoj, I. A. Zachesovoj. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2007. (In Russian).
36. Stepanov V.N. Jemociogennaja rech' i ee zhanry v reklame // Psihologicheskoe vozdejstvie v mezhlichnostnoj i massovoj kommunikacii. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2014. P. 121–140. (In Russian).
37. Ushakov D.V. Social'nyj i jemocional'nyj intellekt: nadezhdy, somnenija, perspektivy // Social'nyj i jemocional'nyj intellekt: ot processov k izmerenijam. Moscow: Izd-vo "Institut Psihologii RAN", 2009. P. 11–30. (In Russian).
38. Ushakova T.N., Pavlova N.D., Alekseev K.I., Latynov V.V., Cepcov V.V. Slovo v dejstvii. Intent-analiz politicheskogo diskursa. St. Petersburg: Alletejja, 2000. (In Russian).
39. Chernjavskaja V.E. Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problemy rechevogo vozdejstvija. Moscow: Flinta: Nauka, 2006. (In Russian).
40. Shejgal E.I. Semiotika politicheskogo diskursa. Moscow: Gnozis, 2004. (In Russian).

DISCOURSE AND ITS PSYCHOLOGICAL INFLUENCE: APPROACHES TO THE STUDYⁱ

T. A. Grebenshchikova^{1*}, N. D. Pavlova^{1**}

¹ *Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences; 129366, Moscow,
Yaroslavl st., 13, Bldg. 1, room. 435, Russia;*

** Ph.D, Sr. research scientist of Laboratory of speech psychology and psycholinguistics.
E-mail: gretiya@mail.ru*

***Sc.D. (psychology), head of Laboratory of speech psychology and psycholinguistics.
E-mail: pavlova_natalya@mail.ru*

Received 02.11.2016

Abstract. This paper discusses the developing approaches to studying discourse and how they evaluate various aspects of discourse organization, function and relation to the society. The modern trends in investigation of discourse influence, the potential of intent-analysis and its perspectives were explored. Through the original methodical techniques of analysis the article finds new data on intentional organization of family everyday discourse and mass media discourse including election debates, interviews and talk-shows. General aspects of discourse organization and psychological mechanisms of discourse influence are complemented with analysis of conversational tactics, influence means and intentional basis of speakers' choices in the different communication contexts.

Keywords: discourse, discourse influence, speech intentions, influence means, conversational tactics, family everyday discourse, mass media discourse, intent-analysis.

ⁱ *This work was supported by the State assignment of FASO Russia № 0159-2017-0003 "Psychological mechanisms of formation and functioning of discourse".*